

***ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ
ОБРЯДЫ***

В.Е. Добровольская

Магические запреты

Магические запреты представляют собой систему правил, которые регламентируют как бытовое и обрядовое поведение, так и хозяйственную деятельность одного человека и всего коллектива в целом. Они относятся к области народного права и морально-этических норм. Вероятно, их надо рассматривать как особый разряд верований.

Логически запрет связывается с рекомендацией, предписывающей совершение определенного действия. Таким образом, классический вариант запрета имеет трехчастную структуру и состоит из собственно запрета, его мотивировки и предписания, рекомендующего совершение определенных действий. Результатом разрушения традиции становятся изменение структуры запрета и утрата одной из его частей, по преимуществу мотивировки. Кроме того, может забыться и сам запрет, и его мотивировка, а в народном сознании сохранится только предписание, которое функционирует как самостоятельная единица.

В контексте системы фольклорных жанров запреты не существуют изолированно. Обычно сообщение о существовании магического запрета предусматривает рассказ о нарушении запрета и о системе искупительных мер, избавляющих от последствий содеянного.

Содержание запретов охватывает всю сферу жизни и деятельности человека. Но необходимо отметить, что отдельные виды деятельности и определенные этапы человеческой жизни (прежде всего «переходные») наиболее богаты ими. Целью любого запрета является предотвращение угрожающих жизни и благополучию общины или отдельного человека событий.

Все магические запреты, записанные нами в Гороховецком районе, можно разделить на несколько групп.

1. Запреты календарного характера

Это наиболее распространенный тип запретов, связанный с тем, что в определенный день или в течение определенного календарного цикла нельзя совершать тех или иных действий. Так, например, после Крещения нельзя гадать: *«После Крещения уж не гадают. Нельзя. Грех это, нечистый заберет. Все говорили — не гадают после Крещения: черт заберет»* [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. На Благовещение существовал запрет работать: *«На Благовещение девушка косы не заплетает, птичка гнезда не завивает. Работать было нельзя, не работали. На что было раньше строго, и то не работали. Тогда говорили, что работать нельзя, потому что вроде как грех»* [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Наиболее часто с календарными датами связаны именно запреты на работу. Широко распространен в Гороховецком крае запрет работать на праздник Казанской Божьей Матери, называемый в народе Казанская. Нам удалось зафиксировать не только

запрет на работу в летнюю Казанскую, но и довольно редкий вариант запрета работать на зимнюю Казанскую: «А на зимнюю Казанскую тоже работать нельзя. Волки заедят... Скотину будут драть и человека могут заесть» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Существовали запреты и на другие виды деятельности. Так, широко известен запрет на купание после Ильина дня: «С Ильина кончали купаться, только до Ильина дня. До Ильина дня купались, олень, — говорят, — в воду пукает» [84 — 3: ЦРФ — 1017].

С календарем тесно связаны запреты пищевого характера. Прежде всего, это постовые запреты на употребление скоромной пищи: «В пост скоромное есть нельзя. Грех это. Ни молоко, ни мясо» [5 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Подвергалось запрету употребление той или иной пищи в конкретный день. Так, на Ивана Постного запрещалось есть круглые овощи (картошку, репу и т.п.): «На Ивана Постного есть репу нельзя, картошку тоже. Всё круглое не едят. Это как голова Крестителя. Нельзя есть» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запреты распространялись на употребление пищи в рамках определенного временного цикла. Так, до Яблочного Спаса нельзя было есть яблоки, а до Вознесенья — запекать яйца: «До Яблочного Спаса яблоки есть нельзя. Нельзя, потому что если яблоки поешь до Спаса, то родителей ты будешь поминать — эти яблоки до них не дойдут, если не съешь яблоко, будешь на Спас поминать родителей, значит, они довольны» [97 — 3: ЦРФ — 1021]; «До Вознесеньева дня яйца печь нельзя, после Вознесеньева дня — можно печь» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

С календарем связаны запреты на исполнение определенных фольклорных жанров. Наиболее распространен запрет на пение в пост. Помимо этого, нельзя загадывать загадки на Святки: «На Святки загадки загадывать нельзя — корова не разродится» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Часто календарный запрет на исполнение того или иного фольклорного жанра связан с конкретным днем. Он может носить очень узкий характер. «На Ивана Постного плясать нельзя. Не токмо кадрили или, положим, краковяк, но и дробить не можно. На Постного никак плясать нельзя. Нельзя, потому что Саломея танцем Предтечу погубила» [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда запрет связан не с календарным циклом, а с календарным сезоном. Так, например, сказки нельзя рассказывать летом: «Сказки летом рассказывать нельзя — скотина в лесу плутать будет» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Также летом нельзя загадывать загадки. «Загадки летом не гадают — скотина домой ходить не будет или волк задерет» [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Собиратели фиксируют строгую приуроченность к конкретным календарным датам гаданий и, соответственно, запретов, связанных с исполнением этого жанра в другое время: «Гадать можно только в особые дни. На Святки, на Средокрестье, на Андреев день, на Троицку неделю, на Варвару. В други дни гадать нельзя — грех это» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запрет на совершение определенных действий в рамках конкретного календарного цикла чаще всего связан со свадьбами. Так, исполнители отмечают, что до настоящего времени сохранился запрет на свадьбы в пост: «Постом жениться нельзя — судьба не заладится» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Наряду с запретом «играть свадьбы постом» широко распространен запрет жениться в мае: «В мае жениться нельзя, весь век будешь мучиться» [84 — 3: ЦРФ — 1017]; «Вот на Масленицу были свадьбы, а уж тут Великий пост. Дождись мая — а в мае жениться — будешь маяться. В июне были свадьбы» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Иногда запрет распространяется на представителя одной профессиональной группы. Так, например, гончар на Святки не должен ездить по улице, если там идет мо-

лодежное гуляние: «Горшечник не должен в гулянье попасть. Вот идет гулянье, девки там гуляют, парни. Горшечник проехал — всё! Девки целый год замуж не выйдут. Слез-то» [84 — 3: ЦРФ — 1017]. При этом в Покров появление гончара желательно: «Если гончар проедет по порядку в Покров и девку встретит — все. Горшечник на улице — девки замуж» [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В то же время встреча в Покров с представителем другой профессии — дегтярщиком — предвещает девушке отсутствие жениха. Был зафиксирован и обратный сам запрет: «Мой дед был гончар, хороший гончар, его посуду в Макарьеве на ярмарке покупали, так он никогда в Святки на улицу не выходил, говорил всегда: "Девка замуж не выйдет — что ж, не в этот год, так в другой! А я за круг (на Святки) не сяду, что-то случится обязательно. Нельзя гончару в Святки на улицу — без работы будет: или круг спорят, или глина плоха, или силы нет. Нельзя в Святки на улицу гончару ходить". И вот не ходил никогда» [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

2. Запреты, связанные с временем суток

Запреты второго типа связаны с временем суток. По преимуществу они предписывают не совершать каких-либо действий в то или иное время. Широко известен запрет на исполнение заговоров: «Молитвы абы когда говорить нельзя, вот приходится надо на заре или вечером, когда солнце зайдет, а днем говорить нельзя. Силы у них не будет» [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

3. Запреты, связанные с днем недели

Самым известным запретом данного типа является запрет заговаривать по пятницам: «В пятницу приходит нельзя. Ни утром, никогда. Я по пятницам молитву говорить не буду. Нельзя по пятницам. Молитва силы не имеет» [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Широко распространен на территории Гороховецкого района запрет на выгон скотины в так называемые «тяжелые дни»: «В понедельник скотину выгонять нельзя, в среду нельзя, в пятницу нельзя. В любые другие можно. Все говорили, неудачные это дни» [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Зафиксированы также запреты на крещение и свадьбы в понедельник, среду и пятницу, которые считаются тяжелыми днями: «В понедельник, среду и пятницу нельзя крестить младенца и свадьбы играть — тяжелые дни это» [101 — 3: ЦРФ — 1032].

К этой же группе относятся запреты начинать работу и работать в определенный день недели.

К первой разновидности можно отнести, например, запрет пастуху начинать сезон в пятницу: «Вот, говорят, скотину выгонять в пятницу первый раз нельзя. Действительно нельзя — тяжелый день. Но, бывает, надо выгнать — пастух никогда выгонять не будет. Нельзя пастуху в пятницу выгонять — помрет он» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Наиболее известными запретами второго вида являются запреты, связанные с шитьем и стиркой. Гороховецкие жители говорят, что нельзя шить, прясть, вышивать и стирать по пятницам: «Вот по пятницам шить нельзя — в пятницу шить — Богородицу гневить» [115 — 3: ЦРФ — 1019]; «Если девка в пятницу прясть села, Богородица ее без жениха оставит» [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; «Вот у нас же здесь белье вышивали, строчка белая, известная была, заказывали все — а только какие б деньги ни предлагали, ни одна баба в пятницу за пяльца не сядет. В пятницу вышивать — Богородица накажет — или ослепнешь, или обезручишь» [97 — 3: ЦРФ — 1021]; «Стирать в пятницу нельзя — Богородице глаза щелоком забрызгаешь. Она непременно покарает — дети болеть будут» [66 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

4. Возрастные запреты

Самым популярным в этой группе является запрет на исполнение песен пожилыми женщинами: «*Я тебе песен петь не буду. Нельзя старухам петь. Скажут: старуха к смерти распелась*» [84 — 3: ЦРФ — 1017]. Существуют и другие запреты данного типа. Например, считается, что молодым не надо исполнять духовные стихи: «*Канты-то молодые не поют, одни старухи. Молодым петь нельзя — к смерти это. Из близких кто помрет*» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Иногда запрет, связанный с возрастом исполнителя, распространяется и на хозяйственные заговоры: «*Когда корову в дом вводишь, если молодая, то слова говорить нельзя. Старших кого попросить надо. Молодой нельзя — слова не помогут*» [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Оппозиция «старый/молодой» может быть связана не только с возрастом, но и с социальным статусом исполнителя, поэтому зачастую «молодой» не только возрастное, но и социальное понятие. Причина этого очевидна, так как социальный статус в традиционной культуре тесно связан с возрастом человека. В настоящее время, с точки зрения информанта, 19-летняя замужняя женщина и 35-летняя незамужняя по возрастному критерию зачастую объединяются понятием «молодые», а по социальному — находятся в разных группах, причем замужняя может входить с информантом в одну группу, а незамужняя — противопоставляться. Например, заговор «*чтоб корова доилась*» должен произноситься только замужними женщинами. Здесь важен социальный статус исполнителя, поэтому существует запрет на произнесение такого заговора незамужней женщиной: «*Если ты девка, мужика у тебя нет, семьи, в девках ты, ну не замужем, одна живешь или с родителями, то молитовку эту, чтоб корова доилась, говорить нельзя, только молоко уйдет. Только бабе это говорить можно*» [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Другой тип хозяйственного заговора, «*чтоб скотина домой ходила*», связан с запретом на возраст исполнителя: «*Слова эти молодым говорить нельзя, девка ли, баба — все одно, если молодые, то нельзя, только старухам можно*» [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Именно из-за субъективности понятий «старый — молодой» запреты возрастного характера тесно связаны со следующей группой запретов, которые объединяются понятием «социальный статус человека».

5. Запреты, связанные с социальным статусом человека

Это самая большая группа запретов, актуальная для представителей самых разных сословий. Так, например, известно, что повивальные бабки передают свои знания дочерям или внукам с очень раннего возраста. Практически все заговорно-магические действия, связанные с родильным обрядом, даже самые маленькие девочки могут передать весьма последовательно. Но практикующей повитухой может стать только замужняя родившая женщина: «*Вот, слова-то я знаю, а сама не повитушка я, мама у меня повитушка, а я нет. Своих дитёв нет, вот и не повитушка*» [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Запрет этого же типа существует и на молодежные развлечения: «*Я песен много знаю, петь очень люблю. Вот, спрашиваешь, когда петь начинали, гулять когда начинали. У меня вот смешно было. Старши сестры гуляли уже. А я тоже петь хочу. А у меня на платное не пришло. Так меня не пускали. У других горе какое — на платное пришло, а у меня праздник, на гулянку пойду. Петь можно. А до тех пор пока платно не придет — нельзя петь*» [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Известен запрет незамужним девушкам присутствовать на втором дне свадьбы, т.е. присутствовать при исполнении песен и частушек эротического характера. Однако

существует и другой запрет — на исполнение этих жанров незамужними и неженатыми: *«Вот, если молодежь на второй день придет, сейчас-то все гуляют, они, почитай, больше нашего знают. Раньше замуж выходил — пока там разберешься что куда, а сейчас все девки знают. А раньше-то строго было. Вот придут на второй день, а сидят тихо, ничего не поют. Тут старшие празднуют. Девкам ничего петь нельзя, а то пригуляют до свадьбы»* [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Запреты данного типа связаны в основном с тем, что людям, не принадлежащим к определенной социальной группе, нельзя исполнять тексты того или иного жанра. Представители одной социальной группы не должны исполнять тексты другой, чаще всего молодые не должны использовать корпус текстов старшего поколения. Но иногда встречаются обратные запреты: старшие не должны заимствовать у младших. Так, существует запрет молодым женщинам участвовать в гуляньях: *«У нас девки-то на гулянья ходят, а как замуж вышла — всё. Только если где на каком празднике попляшешь, а так всё — дома сиди. Говорят, бабе плясать нельзя, на гулянку ходить будет — муж гулять будет»* [97 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Однако иногда этот запрет принимает следующую форму: *«На гулянку можно и бабой ходить, но только после первого ребенка. До того как сродила — ходить нельзя, спортить могут. А после — коли время есть — ходи»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Иногда данный запрет распространяется на способ ношения или цвет какого-либо элемента одежды: *«Вот девки цветные платки носят, а бабы — скромненьки, беленький там или темный какой, но не черный, а старухи — синий или черный. Если старуха цветной наденет — к смерти»* [101 — 3: ЦРФ — 1032]; *«Девке нельзя платок криво вязать, должна следить, как платком подвязалась — если криво повяжет, то жених хромой будет, а бабе все одно — только что неопрятно»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

6. Запреты, связанные с полом

Такие запреты не очень широко распространены и чаще всего связаны с тем, что представители одного пола не должны делать то, что разрешено делать другому. В основном эти запреты касаются мужчин, которые по какой-либо причине вынуждены делать женскую работу: *«Вот мужик воду носить не должен, что бы не было. Всегда в доме есть баба, которая воду принести может. Если мужик воду с колодца несет — всё, вся мужская сила у него пропадет»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Мужик полы мыть не должен. Это бабье дело. Если он полы помоеет — к смерти, он обязательно кого-нибудь из дома вымоет»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

7. Запреты, связанные с верой

Эти запреты распространяются на два типа ситуаций. Первый представляет собой оппозицию «крещеный/некрещеный»: то, что можно делать крещеному, нельзя некрещеному: *«Вот раньше все гадали. Все крещены — все гадали. А сейчас есть и некрещеные ведь. Некрещеным гадать нельзя — их черт унесет»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Второй тип связан с принадлежностью к другой конфессии: *«Таки канты только филипповцы поют, а мы — православные люди, у нас поп в церкви есть, и мы этих кантов не поем»* [84 — 3: ЦРФ — 1021].

Считается, что некрещеные не могут заговаривать и изготавливать обрядовые предметы: *«Если ты некрещеный, то корову не раздоишь. Чтобы ни говорила, каки бы молитовки ни читала. Некрещеная, так и без толку»* [115 — 3: ЦРФ — 1019]; *«За святой водой только с крестом ходить можно, если ты некрещеный, то вода стухнет, хоть с молитвой брал, хоть без»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

8. Запреты, связанные с принадлежностью к общине (местный — не местный)

Этот тип запретов связан с тем, что человеку, находящемуся вне системы традиционных воззрений, не нужно им следовать, или наоборот: *«Вот если ты нашенская, то тебе робенка покажут, даже если совсем маленький. А если чужая, то не вынесут, унесут, даже если ты в дом войдешь. — Нашенская, то есть родственница? — Нет, если наша, из деревни нашей, из округи. Если нашенская, то робенка не спортишь»* [1 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

9. Запреты, связанные с выполнением профессиональных и домашних работ

Непосредственным объектом профессионального запрета может быть любой компонент бытовой, обрядовой или хозяйственной ситуации: время и место совершения действия, субъект или адресат, предмет или инструмент действия, реже — само действие. Можно выделить несколько видов профессиональных запретов: на начало работы, на определенные действия в течение работы, запреты, связанные с завершением работы, и т.д.

Запреты на начало работы

Существовал целый ряд запретов на определенные действия в начале работы. Так, например, начинать пахоту нельзя было в старых вещах: *«Как пахота начинается, так все новое надеваешь, ничего чтоб старого не было. Если хоть что-то старое в первый день будет — урожай, считай, нет. Или засуха, или зальет»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Среди женщин бытовало мнение, что, когда начинаешь ткать, нельзя оставлять печь открытой: *«Чтобы работа получилась, когда ткать начинаешь, нельзя печь открытой оставлять. Если печь открыта — работа впустую. Ткать начинаешь — закрой заслонку, чтобы работа удалась»* [118 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае существуют два запрета на несовершение необходимых действий. Эти запреты распространяются на представителей двух профессий: пастуха и кузнеца. Они предусматривают необходимость совершения действий, запрещенных в обычных условиях. Так, при первом выгоне скота пастух обязан был перецеловать всех женщин, выгонявших скотину: *«Вот когда пастух выходит первый раз пасты, он всех баб, что коров гонят, целует, крепко целует, страстно можно сказать, если он хотя бы одну пропустит — со скотиной случится что: или домой ходить не будет, или волки задерут. Нельзя, чтоб пастух баб не целовал — несчастье будет»* [84 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Что же касается кузнеца, то запрет, распространяемый на него, носит еще более радикальный характер: *«Кузнец себя блюсти должен, на баб особо не смотреть. Но вот прежде чем самому работать начать, ну сначала-то его учат, он как бы не мастер еще, а потом как сам работать начнет, перед первой-то работой, перед самой-то первой он девушку подковать должен, так-то грех это — девок портить, а кузнецу один раз можно, а то какой он мастер, если один раз девушку не подковал. Если он не переспал с ней, то работы у него не будет, плохой будет работник»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Два приведенных запрета интересны прежде всего тем, что предписывают совершить действия, недопустимые во всех остальных ситуациях: *«Вот это, говорят, портить девок — удаль, мол, плох тот мужик, что ни разу девушку не спортил, а ведь это грех, если девушку портишь — добра не жди, что-то обязательно случится»* [84 — 3: ЦРФ — 1017]; *«Замужню бабу чужому целовать нельзя, даже куму нельзя, она чужа баба-то,*

оно, конечно, хочется, бывает, что такая красота идет, а нельзя — грешно, если чужу бабу целуешь: болеть будешь долго, а то и вовсе помрешь» [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Таким образом, запреты, связанные с началом работы, могут декларировать необходимость «антиповедения».

Запреты на определенные действия в течение работы

Чаще всего эти запреты распространяются на мужские работы. Так, например, для пастуха и пахаря существует запрет на сексуальную жизнь в течение всего срока выполняемой работы: «Вот когда в поле выходишь, то о бабе забыть надо. В поле вышел — пахай — если с бабой переспшишь, урожай не будет. Вся сила в бабу уйдет» [36 — 3: ЦРФ — 1060]; «Пастух, когда пасьбу начал — всё — бабы побоку, да и какие у пастуха бабы, когда он все в поле да в поле. А с бабой нельзя, если с бабой переспит — всё, на скотину мор наподет» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Помимо сексуальных, существуют запреты и иного типа. Так, например, плотник не должен стоять против солнца, чтобы не заложить свою тень в фундамент дома: «Вот плотник венцы когда кладет, он против солнца стоять не должен, он свою тень туда вложит и сам умрет» [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Пожалуй, самое большое число запретов рассматриваемого типа ограничивает деятельность пастуха. Ему нельзя в течение всего времени пастьбы собирать грибы и ягоды, отгонять мух, разорять муравейники, стричься, брать в поле нож и т.п. В случае нарушения всех этих запретов скотине угрожала опасность, чаще всего исходившая от лешего: «Вот ежели пастух грибов соберет, то леший непременно скотину уведет. Ищи потом!» [36 — 3: ЦРФ — 1060].

Запреты, связанные с завершением работы

Запретов данного типа не очень много, и они распадаются на две группы. Первые связаны с окончанием трудового дня, вторые — с полным завершением работы.

Чаще всего запреты первой группы касаются оставляемой работы. Так, если мастерица оставляет ткань на пальцах, она должна закрестить иголку, нитки и сами пальцы, чтобы работу не испортил нечистый: «Вот из-за палец стала — работу так не оставляй, оставишь незакрещенной, нечистый нитки попутает, или затянет работу» [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Точно так же гончарам предписывалось в конце дня закрепивать оставшийся на круге кусок глины, а также остатки глины одной партии: «Если на круге чего осталось, нельзя так оставлять — закрести, а то черный в крынку залезет, всё в той посуде тухнуть будет» [97 — 3: ЦРФ — 1021].

Запреты на использование орудий труда

В Гороховецком крае зафиксирован целый ряд запретов на использование орудий труда. В основной своей массе они однотипны — человек не должен пользоваться чужими орудиями труда. Так, например, считается, что если девушка доверила свою прялку или пальцы подруге, то подруга уведет жениха: «Вот нельзя свои пальца чужим давать, даже подругам нельзя, вот ты на вечерке пальца положила — следи, чтоб никто не взял работу, если кто твои пальца взял и вышивает — всё, эта девка твоего парня отобьет» [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Нельзя пускать подруг и за ткацкий стан, хотя объяснение этому запрету было другое: «Нечистый нитки перепутает или основу порвет» [115 — 3: ЦРФ — Р — Э: — 0003].

Гончарам запрещалось пускать за круг не только посторонних, но и детей. Если запрет нарушался, считалось, что посуда, сделанная на таком круге, будет непригодной для приготовления и хранения пищи.

Запреты на завершение работы

Запреты такого характера единичны. Самым показательным является запрет плотникам полностью доделывать дом. Считается, что если плотник полностью завершил дом, то это его последний дом — всегда надо оставлять что-то недоделанным, в противном случае мастер подвергается угрозе скорой смерти (см. подробнее статью «Строительство и заселение в новый дом»).

Запреты на исполнение некоторых фольклорных жанров во время работы

Эта малочисленная группа запретов связана в основном с представителями таких профессий, как пастухи, мельники и пасечники. Всем им запрещается громко петь, а иногда и громко разговаривать, потому что *«леший стадо разгонит и оводов найдет»* [97 — 3: ЦРФ — 1021], *«водяной колесо мельнично сломат»* [101 — 3: ЦРФ — 1032], а *«пчелы не будут роиться»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Пастухам запрещается также рассказывать сказки, *«потому что на скотину мор нападет»* [36 — 3: ЦРФ — 1060].

10. Запреты, связанные с физиологическим состоянием человека

В основном запреты этой группы распространяются на женщин. Они связаны с беременностью и регулами. Так, беременной запрещается прясть и, особенно, мотать нитки, потому что пуповина обмотается вокруг шеи ребенка. Нельзя было вышивать гладью и штопать, потому что родовые пути не откроются, нельзя было ткать, потому что ребенок может от стука берда родиться заикой и т.п.

Во время месячных женщине разрешалось делать лишь часть домашней работы. Список запрещенных дел чрезвычайно разнообразен: нельзя доить корову, мыть полы, протирать иконы, солить капусту, печь пироги, ткать, прясть, вязать и т.д. и т.п. Суть запрета сводится к следующему: *«Какую работу баба в платно ни делала — всё впустую»* [31 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Когда у бабы "гости на рубахе", чего б ни делала — всё впустую, всё переделывать будет»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Пожалуй, к этой же группе надо отнести запреты кузнецу и гончару приступать к работе до того, как разрешившаяся от бремени жена не возьмет очистительную молитву, в противном случае вся работа будет сделана не с Божьим благословением, а с нечистым помыслом.

11. Ситуативные запреты

Это самая большая группа запретов, поскольку она связана с повседневной жизнью человека и затрагивает самые разные ее стороны: строительство и вселение в новый дом, покупку скотины, рождение и воспитание ребенка, свадьбу и похороны, поведение за столом и т.д. Некоторые из этих запретов рассмотрены в соответствующих разделах данного сборника.

* * *

Магические запреты охватывали все стороны жизни человека и выполняли прежде всего информационно-обережную функцию. Они словно предупреждали о том, что те или иные действия могут повлечь за собой неприятности. Обережная функция осознается и открыто декларируется всеми носителями традиционных типов запретов.

В то же время система запретов некогда отражала классификацию объектов и явлений по их ритуальной значимости. Фиксация ритуальной системы запретов в повсед-

невном восприятии людей подтверждала и социальную иерархию, которая была тесно связана с ритуальной стороной жизни человека. Именно эта актуализация основ социальной организации и, шире, классификации всего окружающего была когда-то второй по значению, неосознанной, но оттого не менее важной, функцией системы запретов. Вероятно, носитель традиции был способен объяснить, почему именно при нарушении запрета возникнет ущерб, ссылаясь при этом на тот или иной этиологический миф. Собственно рудиментами такого мифологического текста можно считать былички, повествующие о том, как нарушение запрета приводит к определенному ущербу. С разрушением традиции указанная функция была утрачена, и большинство современных носителей запрета рассматривают ущерб, вызываемый его нарушением, как «голый факт», не увязывая его с устройством мира и человеческого общества.

*В.Е. Добровольская,
Н.Е. Котельникова*

Строительство и заселение в новый дом

В системе традиционных представлений дом противопоставлен внешнему миру и именно поэтому является объектом разнообразных магических ритуалов. Они совершаются для защиты людей, обитающих в нем, для обеспечения их богатства и благополучия.

Обрядовые действия, связанные с домом, можно разделить на несколько групп. Первые — совершаются при строительстве дома; вторые — связаны с заселением в него, и, наконец, третьи призваны защитить обитателей дома от бед и нечистой силы.

Дом в д. Баландино. Начало XX в.

Строительство дома

Строительство дома образует в традиционной культуре самостоятельную группу occasionalных ритуалов. В Гороховецком крае лучше всего сохранились обряды, связанные с началом и окончанием строительства.

Прежде всего, внимание уделялось выбору строительного материала. Так, наши исполнители говорили о том, что для строительства дома никогда не брали одиночно стоящие деревья: *«Папа всегда говорил, что если дерево одно растет, его на дом рубить нельзя и на дрова даже нельзя — нечистый в нем прячется. Вот построишь дом — нечистый мучить будет семью»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Старались избегать и рубки конкретных видов деревьев. Так, никогда не рубили осину: *«Что ж проклятое дерево рубить — на ей Иуда повесился, что ж дом строить-то из нее»* (80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. В эту же группу входила и липа, так как считалось, что *«липа гром притягивает, в дом молнии бить будут, если там липовые бревна есть»* [69А — 3: 0003]. При выборе материала для дома избегали скрипучих деревьев: *«Если скрипучее дерево взять — в доме все скрипеть будет»* (69а — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особый запрет распространялся на сухие деревья, так как полагали, что если в срубе есть сухое дерево, то в доме обязательно появится покойник: *«Вот если только в срубе сухое дерево, то вот даже если молодые дом построили, живут в нем молодые, то обязательно покойник в доме будет»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

До настоящего времени сохранились представления о наиболее благоприятных сроках заготовки деревьев для дома. Это — несколько недель после Троицы и день Николая зимнего: *«Вот после Троицы деревья рубить надо, чтобы дом построить, мужики после Троицы в лес ехали и рубили сосны на сруб»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Деревья на Николаю зимнего рубили на дом. В лес едут на Николаю и на санях потом везут на сруб»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Дом Шорина. Начало XX в.

Важным моментом являлся выбор места для строительства дома, который должен был обеспечить благополучие всех проживающих в нем. Существовал запрет строить дом на перекрестке или на углу порядка: *«Дом на углу строить нельзя, плохо, когда он угловой-то. Стараются все в глубь порядка строить, а не на углу — в угловых домах всегда жизнь не ладится»* [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«На перекрестке не строили никогда, старались не строить, чтобы порчу не наслали, на перекрестке порча всегда»* [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае считалось, что лучше всего строить дом в пределах старой усадьбы, но не на месте старого дома: *«Лучше всего строить дом на старом дворе, место там обжитое — лучше там. Только не на старом фундаменте, не там, где старый дом стоял, там не надо. Особенно, если в доме кто помер или он сгорел от пожара там, или что. На новом месте, в другом углу»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Запрещалось строить и на месте сгоревшего дома (см. статью «Стихийные бедствия и пожары»).

Особое внимание уделялось тому, чтобы рядом с будущим домом не было кладбища, одиноких могил, а также чтобы на территории усадьбы не было совершено убийство: *«Если рядом кладбище, како бы место красиво не было — не строили там. А уж если могила одинокая, то вообще боялись — покойник мучить будет, ходить будет. Если убили кого-то рядом с местом этим — тоже боялись строить»* [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

В Гороховецком крае нами не были зафиксированы гадания о правильности выбранного для строительства дома места, за исключением гаданий по снам. Так, считалось, что хозяин должен лечь спать на месте, которое он выбрал для строительства нового дома. И если во сне он видел что-то хорошее, то место считалось удачным: *«Надо лечь на том месте, где дом строить собираешься. Если сон хороший — праздник какой или просто что-то приятное — значит, строить можно, а если нет — другое место*

Подкова над окном

искали» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Верили также, что если уснувшего на месте предполагаемого дома хозяина разбудит крик петуха, то место для будущего дома выбрано удачно: «Старались лечь спать там, на том месте, где дом строить хотят. Если утром петух разбудит — правильное место, счастливое, а если от крика или брани проснешься — плохое» [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Особое значение придавалось времени начала строительства дома. Так, повсеместно считается, что нельзя начинать строить по понедельникам — «тяжелый день» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], средам и пятницам — «постные это дни, тяжелые» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], «дни страстей Господних — начинать ничего нельзя» [62 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], а также в воскресенье: «В воскресенье работать грех, а уж начинать строить — грех вдвойне» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Суббота также не считается удачным днем, потому что все дела, начатые в субботу, будут делаться только в этот день: «В субботу лучше не начинать, она день-то хороший, удачный, только всё, что в субботу начинается, только по субботам и делается. Раз в субботу начал — целую неделю потом руки не дойдут доделать, опять субботы ждать» [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Таким образом, лучшим днем для начала строительства дома считался вторник: «Дом начинали строить во вторник — легкий день, удача будет и строить будут без мытарств» [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Строительная жертва, как один из элементов строительного обряда, сохранилась в рудиментарной форме. Лишь наиболее пожилые исполнители помнят, что в основание фундамента закладывали деньги, шерсть домашних животных, хлеб: «Когда строить начинают, в фундамент, под восточную сторону — три денежки кладут, чтобы деньги в доме были» [80 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], «Когда дом строят, в фундамент шерстку от скотины кладут, от овец, от коровок, от лошадей — чтоб скотина в доме велась» [51 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003], «Когда дом строят, в основание хлеб ложили, чтобы у хозяев хлеб всегда был» [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Завершение строительства не так богато магическими действиями. Повсеместно сохранился обычай оставлять какую-либо недоделку в новом доме. Считалось, что последний забитый гвоздь предвещает плотнику скорую смерть: «Последний гвоздь дома — первый гвоздь гроба» [36 — 3: ЦРФ — 1060]. Верили, что если мастер полностью завершил дом, то это его последний дом — всегда надо оставлять что-то недоделанным, в противном случае человек подвергается угрозе скорой смерти: «Плотник не должен всё доделывать, какую-нибудь безделицу оставить должен, если всё доделает, то домовину ему делать будут, беспременно умрет» [36 — 3: ЦРФ — 1060]. Окончание строительства отмечалось совместной трапезой всех, кто участвовал в работах: «Как дом закончат, так обязательно всех за стол сажают, угощение устраивают — хозяева проставляются, чтобы дом хорошо стоял» [69А — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Необходимо отметить, что если мастеров не устраивала плата, то они могли подшутить над хозяевами. Помимо плотников этим славились печники: «Мне что было интересно. Как-то так запомнилось. Кто печки ложил. Вот если — как начинает — печник приходит, договаривается, его там угощали обычно чем-то, там, кормят или ещё, может быть, винцо подают рюмочку, другую. Когда хозяева жадные, то, говорят, бывало так, что бутылку или там горлышко оставят обязательно в трубе. И вот как ветер сильный, то, говорит, что хочешь делай — воеет, как волком, завывает в трубу: "У-у!" Ну и знали уже — всё — недобрый был хозяин. Пришлось класть второй раз. Например, разбирать... — Это сами мастера? — Сами мастера. Потому что и люди-то знали, что не очень добрые, они же знали, говорили: "Напрасно идёшь, большую деньги, там, например, не дадут". Ну а работать всё равно нужно. Ну они по-своему. Вроде бы так над людьми. И показывали другим, чтоб неповадно. Так, может быть, незло учили» [75 — 8: ЦРФ — 10].

Заселение в новый дом

В настоящее время заселение в новый дом не насыщено большим числом обрядовых действий. Практически все исполнители сообщали, что первыми в новый дом запускали петуха или кошку: *«Ну, построятся — или петуха, или кошку в дом вперед выпускают»* [13 — 4: ЦРФ — 1018]. Некоторые из опрошенных отмечали, что первыми занесенными в дом вещами были икона и квашня: *«Молятся. Икону брали с собой, как перезжаты. Кошку, квашню. Хлебы чтоб пекли»* [13 — 4: ЦРФ — 1018].

При заселении в новый дом хозяйки перевозили с собой и домового. Делали это следующим образом: хозяйка брала горшок, обматывала вокруг горловины веревку так, чтобы получилась ручка, и ставила горшок в печь. Затем она просила домового перебраться вместе с ними на новое место: *«Дедушко-соседушко, поехали с нами жить»* [69Б — 3: ЦРФ — Р — Э:0003]. После чего она брала горшок за веревку и переносила в новый дом, где его вешала в сених или во дворе. Иногда в тех же целях использовался лапоть (см. подробнее статью «Демонология»).

Магические действия, призванные обеспечить благополучие хозяев дома

Магические действия, связанные с обеспечением благополучия хозяев дома, распространены практически повсеместно. Они необычайно разнообразны и чаще всего используются как обереги. Так, чтобы обезопасить дом от нечистой силы, хозяйки рисуют на дверях и оконных рамах крестики: *«Чтоб нечисть не водилась в доме, крестики рисую углем или мелом, надо, чтоб эти крестики всегда были»* [1 — 3: ЦРФ — 1026].

Как оберег используют некоторые предметы домашнего обихода, прежде всего топор и веник. Для того чтобы из дома не забрали удачу, считалось необходимым держать под лавкой топор, а чтобы хозяйка по случайности не вымела из дома счастье, веник необходимо было ставить у входа рукояткой вниз: *«Чтобы удачу никто не увел из дому, надо топор под лавку класть. Тогда дома никто не сглазит»* [54 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]; *«Чтоб хозяйка счастье не вымела из дома, надо голячок у порога вверх ногами ставить»* [10 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Помимо обережных существовали магические действия, наделяющие обитателей дома счастьем. Так, чтобы жизнь в доме была счастливой, над окном прибивали найденную подкову: *«Чтобы счастье в доме было, надо подкову найти и над окошком прибить, чтобы счастье в доме велось»* [79 — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003]. Чтобы в доме водились деньги, под божницу клали мелкие деньги: *«Денежки должны под боженькой лежать, чтоб всегда в доме деньги были»* [69Б — 3: ЦРФ — Р — Э: 0003].

Н.Е. Котельникова

Покупка скотины и уход за ней

Жизнь крестьянина невозможно представить себе без домашних животных. В сущности, все календарные обряды были направлены на то, чтобы земля была плодородна, родилось побольше детей и велась «Богом данная скотинка». Но помимо календарно закреплённых обрядов, а также профессиональных пастушеских способов обращения со скотиной существовало и частично существует до сих пор множество магических средств и различных правил, используемых хозяйками в повседневном быту.

Нам удалось записать некоторые из них. Большинство полученных нами сведений относится к уходу за коровой, которая играла и играет важнейшую роль в крестьянском хозяйстве.

Например, нельзя выгонять корову в стадо с непокрытой головой: *«Вот запрещено скотину выгонять развязкой, это вот нам батюшка сам велит, вот не с покрытой головой. У нас ходят, доят косматкой, а батюшка сказал, не иметь права развязкой скотину доить. А пастухи ругались, что скотина убегает, кто развязкой. Я разок, когда вышла замуж в 1937 году, выгнала корову и "ну, пошла, ну, пошла", меня пастух: "Погодикось, молодая, ты с чем корову выгоняешь, что у тебя за ладони тут; вот обязательно голову повяжи и прутушко возьми". А вот в Агафонове пастух кнутом хлестал того, кто без повязки выйдет, вот скотину выгоняет, в полдень ли, встречает ли. Потому что глаза у скотины увеличены, да, она страх перед собой видит, вот так что обвязывайтесь коров доить»* [101 — 3: ЦРФ — 1032].

Выгонять первый раз скотину нужно в определенные дни: *«В понедельник скотину выгонять нельзя, в среду нельзя, в пятницу нельзя. В любые другие можно. Все говорили — неудачные эти дни. Они и считаются как постные эти дни по обычаю»* [115 — 3: ЦРФ — 1019], *«Скотину не выгоняли в тяжёлые дни, в пятницу не выгоняли. Старались выгонять во вторник и четверг, в субботу. Вот в такие дни выгоняли. А все остальные считались неблагоприятными»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

На Егорьев день существовало много различных обычаев, связанных со скотиной (см. статью «Праздники»). Лошадям подстригали хвосты: *«Это лошадей. А коров выгоняют тогда, когда уже теплое там время, трава появилась, можно и выгонять, значит вот выгоняли. А лошадей — на Егория. — А что делали с лошадьми на Егория? — Подстригали их: и хвосты подрезали, и гривы. — Их выгоняли пастись? — Да, вот у нас раньше заливала вода, большие воды были, вот их отправят в лес и всё — и хозяева не знают. Вот в Егорий только найдут там вот подстригать хвосты или чего»* [84 — 3: ЦРФ — 1017].

Выгонять скотинку нужно было освященной веточкой: *«Освящали, да (ветку)? — Ага. — А потом куда эту веточку? — К иконам поставим. Когда скотину выгоняешь первый*

день, вот эту веточку берёшь и втыкаешь в поле. — В поле? — Ну да. Где скотина. И там оставляешь? — Оставляешь» [102 — 4: ЦРФ — 1010].

Многие исполнители говорили об этом обычае: «Что вот эта. Вербное воскресенье на амвон клали, к иконкам. И когда первых выгонят коров, с вербой выгоняли.

— А для чего это делалось? Почему именно с вербой? — Ну чтобы сохранилась скотина, не болела. — На Егория выгоняли? — Когда как. Как время покажет. С иконкой кругом обойдёт, с какой-то там с молитвой. — Кругом стада? — Кругом стада. И подите с Богом домой. — Все, кто пригнал скотину? — Да-да. И все коровы не привялись. Вот у нас раньше такие пастухи были. Эту вербу где скотина, так клали. Прямо в поле же клали. — [88 — 4: ЦРФ — 1009].

"Верба-хлест, бьет до слез,

Верба бела бьет за дело.

Верба красна бьет напрасно.

Вот было, причитали, когда гонют скотину. Вербно воскресенье, это перед Пасхой. И вот, когда ее просветят, скотину выгонять, когда там будет, может через две недели погонют скотину. Вот святили» [99 — 5: ЦРФ — 1009].

В случае, когда возникают проблемы с тем, чтобы корова огулялась, возможно было, по словам исполнителей, применить следующее средство: «Не гуляется корова. Погуляет с быком по всяко, погуляет. Вроде бы приняла. Пройдёт две недели, три недели — она опять подымается. Ломается. И вот такой способ был в народе. Взять мужские кальсоны там иль трусы и эту корову погладить этими трусами. Везде погладить. Поговорить с ней. "Ладно, мой милый, погуляла маненько, хватит. Теперь не быть тебе девицей, а быть тебе телицей. Телиться надо! Телиться надо! Хозяин любит скотинушку, чтоб она прибыль давала, чтобы ребятишек молочком кормила"» [13 — 3: ЦРФ — 965].

Важным событием в жизни любой деревенской семьи является покупка скотины и размещение ее на новом месте. Только выполнение определенных правил поведения обеспечивало благополучное пребывание коровы или другого животного у новых хозяев. В противном случае новые хозяева могли остаться без молока, скотина не стала бы ходить в дом и т.д.

На вопрос собирателя «Что надо делать, когда скотину покупаешь?» женщины, хорошо разбирающиеся в этом вопросе, дали следующие советы: «Ничего не надо делать. Надо только, чтобы хозяин до нее не дотрагивался. Вот обычно жалко корову, вот она ее погладит, она молоко и отнимет. Это уж поверье такое. И там вообще не надо дотрагиваться. Как уж завязала эта, хозяйка, которая купила, так сразу повела. Чтобы та хозяйка до коровы или там до лошади не дотрагивалась. Это такое поверье, вот» [118 — 8: ЦРФ — 1041]; «Хозяйка, которая скотинку продает, отдает с веревкой. А если корову, то еще крынку или банку трёхлитровую — чтобы молоко в дом» [39-А — 5: ЦРФ — 0003]; «Когда корову идти покупать, обязательно надо, чтобы хозяйка тебе с коровой дала новый горшок, не старый, а новый, чтобы молоко было» [97 — 3: ЦРФ — 1014]; «И когда корову ведешь, обращаешь, назад оглядываться нельзя. Кто гонит, тот и гонит, назад не оборачивайся» [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Соблюдать определенные правила необходимо и когда приводишь купленную скотину домой. Некоторые просят разрешения и одобрения со стороны домового. Другие делают иначе:

«Я этого не просила. Ни у кого ничего. А вот с "Богородицей", зааминила. А туда шла, вот молитвы держала:

*Есть облако ходящее,
Есть облако летящее.
Под ним стрелицы,
Бьют-побивают
Колдунов, колдуниц,
Простоволосых девиц.
Аминь! Аминь! Аминь! Аминь!*

И идешь, Богородица, Николай Угодник, скажешь: "Святитель Никола, помоги!". Вот и все будет благополучно, он же скорый помощник, быстрый...» [44 — 5, 8: ЦРФ — 1013].

Для хозяйки было очень важно, чтобы скотина исправно ходила домой, для этого необходимо произвести следующие действия с поясом: «Опять поздно узнала. У меня с первой коровой чудеса были. Ходила к старушкам лечить. Оказывается, если надо, через порожек ремешок мужской и "Богородицу" читают, чтобы она свой дом не забывала. Как говорят: век живи — век учись. — И как это: на порог кладут ремень, да? — Поперек, вот порог у меня открытый, ну, ремень постелить и молитву читать, и скотинку прогонять. — Скотинку вперед пускают, а сами за ней? — Да, да. А я тоже недавно это узнала, года четыре вот. Я овец держала, они все убегают, убегают. Она говорит, тебе вот эдак надо было сделать» [34 — 5: ЦРФ — 1010].

Этот же совет повторяют многие исполнители:

«С "Богородицей" через поясок во двор пускают. Поясок вот свой стелишь, как дверь открывается, через поясок и с "Богородицей". Твоя корова никуда не пойдет, она бежит домой. — Куда потом поясок? — Можно убирать. Это сделать раза два-три и все» [44 — 5, 8: ЦРФ — 1013].

Пастухи

Помимо пояса в магических действиях со скотиной применялся замок: «*Это мне хозяйка, тетя Паша сказала: "Чтобы у тебя корова не убежала и привыкла быстрее к вашему дому, корову, прежде чем завести во двор, открой замок с "Богородицей", положи его в подворотню открытый, а как корова зайдет во двор — этот замок обратно с "Богородицей" закрой"*».

Вот я пришла, маме сказала, она эту "Богородицу" знала, она это все сделала, у нас корова с первого дня никуда не ходила» [97 — 3: ЦРФ — 1014].

Приведенные примеры демонстрируют сохранность в Гороховецком крае традиционных народных представлений. Использование в ритуалах, связанных с приучением скотины к дому, таких предметов, как замок и пояс, по свидетельству Н.И. Костомарова, имело место на Руси уже в XVI—XVII вв.: «*Кто животину купит приводную, мерина или корову, и приведши ко двору, велеть растянуть пояс женский от веревки до веревки, да замок положить к веревке, а колоду замочную к другой веревке, и проведши животину сквозь замок, замкнуть и пояс взять опоясаться, и через мужской пояс животину водят же, от веревки до веревки растянувши»*¹.

¹ Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 256—257.

Л.В. Фадеева

Стихийные бедствия и пожары

В хозяйственной деятельности крестьян нередко случались чрезвычайные обстоятельства, при которых нельзя было рассчитывать только на свои знания и опыт. Каждое время года могло принести свою беду в быт земледельца. Если весна грозила половодьем, то лето засухой и пожарами, а значит, неурожаем, голодом. Чтобы преодолеть стихию, прибегали к церковным обрядам, просили Бога защитить посевы.

Обычай молеbstвовать в храме/часовне об урожае, а потом проходить крестным ходом по деревне, полям и близлежащим родникам, периодически останавливаясь для совершения водосвятного молебна, известен в России повсеместно. Такие службы совершаются в том случае, если на полях появляются вредители: *«А вот эта икона чудотворная с того пúстья, с того монастыря. Ну, вот у нас батюшка был тут, я с ним восемнадцать лет прослужил. Девять годов как он помер. Он рассказывал, что чудотворная икона оттуда. Исцеление в народе было. "Один раз, — говорит, — нападение как саранчи...". Как они называются? Саранча напала на поле, всё это поедала. И вот с этой иконой они ходили на поля. "И вот после молебна, после водосвятного молебна, после крестного хода, на обходе всем миром, и вот, — говорит, — все эти насекомые, все эти саранчи, все в сторону Клязьмы поползли"»* [15 — 3: ЦРФ — 1016]. Кроме того, требы могли быть направлены на прекращение засухи и вызывание дождя.

Летом молебны и крестные ходы нередко были специально приурочены к большим праздникам, особенно Казанской (8 / 21 июля) и Ильину дню (20 июля / 2 августа), которые в народном сознании связывались со стихиями воды и огня¹. Такие молебны совершались с целью предотвратить засуху и неурожай, то есть имели профилактический характер.

Однако чаще требы, направленные против стихийных бедствий, назначались «по обстоятельствам», если беда уже случилась. Тогда жители деревни сами обращались к священникам с просьбой пройти крестным ходом: *«Вот, например, дождя нет — ходили в церковь. Это я мало застала, может, вот такой девочкой была, как вон идет. Шли в церковь, приглашали попов, шли в церковь. Приходили попы, делали. Вот они ходят по деревне с иконкой. Как только они уходят — глядишь, к вечеру дождичек собирается. Это в засуху делали»* [115 — 3: ЦРФ — 1019].

Обход полей во время засухи или нашествия вредителей представлял собой интересное соединение языческих и христианских традиций. В его ритуальной основе — магическое огораживание/очерчивание места, нуждающегося в защите. Однако со-

¹ Баранова О.Г. Ильин день // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 214—215; Громыко М.М. Службы вне храма // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков: Итоги этнографических исследований. М., 2001. С. 105.

вершался он с непременным чтением и пением молитв и тропарей из специального чинопоследования, с поднятием икон (иногда особо почитаемых храмовых, иногда — домашних).

Участниками крестного хода, совершаемого во время засухи, как правило, были все жители деревни от мала до велика. Дети не только с любопытством следили за происходящим, но и становились самыми активными участниками шествия. По совету бабушек они старались как можно чаще пройти / сесть под иконами, что должно было обеспечить здоровье и благополучие: «... Часовенки в дяревне у нас. В день рождежня (sic!) приходили с иконами. Вот молебны были. Когда, значит, нет дождя. Старухи начинают молебен. Пойдут к батюшке, подадут прошение. Батюшка даёт распоряжения выйти с иконами в такую-то деревню. Вот они приносят такие больши-ие, на больших палках иконы. Ну, женщин-то много, молятся. Ходят. А мы под эти иконы садимся, маленькие были. А мы садимся всё. Сидим. Оне проходят — мы сядем. Опять оне прошли. Мы дальше бежим, опять сядем. Вот так по деревне. — А почему маленькие садились под иконы? — А не знаю, чего. Бегали там. Нам сказали старухи садиться. — А не говорили, что это как бы здоровье будет? Счастье? — Вот и главное-то — всё для счастья. Потом, уже потом, когда ещё этого не сделают, и батюшка идёт по деревне. Батюшка идёт по деревне — какой-то оброк называется. Кто чего даёт. Кто чего собирает. — А вот как с этими иконами обходили <...>? — По деревне. Молились и молились по деревне. И вот до часовенки дойдут. Обойдут, дальше пойдут. По деревне. — А часовенка какому празднику была посвящена? Егорию? — Да, наша — Егорию. Она часовенка — там и в Николу придут, и в Егорий придут, и на Масленицу приводят. Всё равно в часовенке. <...> [40 — 8: ЦРФ — 1036].

Обход деревни (дворов) и полей считался малоэффективным, если его участники не совершат молебствия у воды. Для этого обычно ходили к родникам. Если родника не было около деревни, служили у колодца: «Когда не было дождя, ходили батюшку вызывали, ходили к колодцу, молились все. Из дому иконки все брали. И дети, и все молились у колодца. Ныне всё забыли» [86 — 3: ЦРФ — 1032]. Просить дождя у родника или колодца — древний обычай, в основе которого лежат представления о единстве небесных и земных вод. В результате молебна происходило их воссоединение, поэтому и начинался дождь.

С закрытием храмов во многих деревнях проведение таких богослужений стало затруднительно. Не было священников, да и власти не одобряли подобных «инициатив» колхозников. Однако традиция не умерла, ведь речь шла о сохранении урожая: «Вот в войну-то, знаешь, какой один случай был. Засуха, засуха, засуха. Всё сухо. Прямо страх. <...> Ведь Борис Николаич... тогда коммунисты были. Коммунисты боялись. Да что там — прямо в райисполком, да всё — снимут. И вот его уговорили все старухи: "Борис Николаич!". А у него мать-то прокурорша. "Борис Николаич, пожалуйста, дай нам... иконы возъм и пойдём в поле. Погибаем. Дождя нету". Он говорит, Борис Николаич... Думал, думал на конном дворе и говорит: "Ну, женщины, сломали вы меня! Я еду в Гороховец, хоть и не надо в этот день — я ничего не знаю. Идите все". И вот они взяли, икон набрали. — По домам? — Нет, нет. Икон набрали... и все пошли в поле. — А откуда иконы? — У каждого есть. Домашние. Все пошли. Там молились очень долго, даже очень долго. И вот уж так совпало ли, так уж это дело было, что Борис Николаич едет вечером с Гороховца, и полил такой на Вáжне... Начался дождик с Вáжни. — А Вáжня, это что? — Вáжня — это вот там два километра. <...> Маленька речушка такая — светлая вода, прям святая. И вот едет. Говорит: "И только я подъезжаю, — уж вон вот сам рассказывал мужикам, — подъезжаю — туча, — говорит, — такая накатилась. А я, — говорит, — уж и коммунист, — говорит:

«Слава Богу!»". Дождь пошёл. Такой сильный был дождик — это уже... Мы всё: "Ой, ой — батюшки, слава Богу!". И все стоят: "Слава Тебе, Господи!". Все стоят, радовались — засыхаем. Вот это случай был такой» [1 — 3: ЦРФ — 1027].

В годы советской власти традиция служения молебнов о дожде значительно упростилась, что практически привело к отказу от кругового обхода полей. Теперь для молебна собирались где-нибудь в деревне. В отсутствие священников молитвы читали старые женщины, которые обычно пели по умершим: «Бывало такое, что очень долго дождя нет и засуха уже начинается? — Бывало. И чего не было? Они знаешь чего собирались? Вот соберется вся деревня, и вроде Богу молятся. Обязательно молились Богу. — А вот как они проходили, что они брали, иконы? — Молились с иконами. Все, каждый свою иконку приносил. Каждый прямо приносил иконку из дому, да. И вот самый умный у нас читал, кто умрет, они читают. Вот они вместо попа у нас были. Вот и читают. У нас баба... баба Улита была. Ульяна ее звали. Маленькая была старушка. Вот она и читала, всё время ходила. — А как-то за деревню выходили? — Нет, не выходили за деревню. Прямо, да, собирались все и вот читали, молились тут. И долго молились, девчонки. Долго молились. И главное — на третий, на четвертый день дождик будет. — Но поля не обходили? — Нет, поля не обходили, нет» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Естественно, что среди верующих традиция прибегать к молитве в случаях стихийных бедствий сохранялась. Более того, сила веры, а следовательно, и сила молитвы, могла заставить повиноваться даже реки и речки во время наводка. Подобные примеры хорошо известны из Священного Писания («Если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его, — будет ему, что ни скажет»²). В легендах же, записанных в г. Гороховце, рассказывается о воздействии с помощью молитвы на реку, вышедшую из берегов: «Мама умерла на девяносто втором году. В позапрошлом году она умерла монахиней Марией. И вот был такой случай. Позади нашего дома за огородом большая река течет, ну меньше Клязьмы, конечно, и вот, когда затор ледяной, затопляет наши огороды. А мы как раз вытащили пчел в сад. Если затопит вода, всё пропало. У нас отец инвалид был, уже с войны инвалид, только пчелы кормили нас. Медом жили, мед сдавали государству, немного получали и жили. Шестеро детей было. И что же, идем на Пасху, повернулись, смотрим на огород: как там река? Идет от реки вал, вот такой высоты, метр высоты даже больше. Видимо затор где-то был. Мама говорит: "Добежать мы не успеем, затопит всё равно". И говорит: "Во имя Господа моего Иисуса Христа — остановитесь воды". Три раза перекрестила, и повернулись и пошли в церковь. Даже про воду, про пчел мы не думали. Всю службу пропели, пришли домой, а папа инвалид, он ничего не смог бы делать, он даже и не старался. Вернулись домой утром, папа говорит: "Ой, какое-то чудо, — говорит, — у всех в подполах, у всех соседей вода, на улице вода, мальчишки в ваннах катаются, плавают, а у нас (полюс огорода было загорожено) даже в эту изгородь не вошла вода". Кругом вода и на улице вода, а огород остался» [16 — 3: ЦРФ — 1016]; «Потом, когда мы сюда переехали, через двадцать лет, наверное, у нее опять сильное затопление было. Пчелы были уже в подвале. А в подпол, чтобы ульи было легче нести, удобнее, прямо снаружи вход. И там измененность большая, чтобы в полный рост можно было входить. И вдруг затор, идет большая вода. Коза была, она в бане, встала на палаты. Шерсть встала, прямо дыбом стоит, испугалась. А моя сестра друга, тоже монашка Галина, она говорит: "Мама, гляди, опять затопит, может затопить, воды подходят, иди поговори с ними". Она вышла и опять говорит: "Именем

² Мк. 11, 23 (Цит. по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992).

Создателя вашего, Господа нашего Иисуса Христа, повелеваю вам, воды, остановитесь, не входите дальше". И зашла домой. Галя вышла и говорит: "Мама, они тебя не слушаются. Опять прибавляется вода". Она вышла и говорит: "Я же не именем своим говорю, а именем Господа нашего Иисуса Христа, Создателя вод, говорю: остановитесь!". И всё. Больше не пошла вода. Ни в подвал, никуда. Опять на улице потоп была, а в подвале сухо, даже вот настолько близко не подошла. Потому что мама очень сильно веровала» [16 — 3: ЦРФ — 1016].

Среди бедствий, которые считались самыми страшными и влекли за собой наиболее тяжелые последствия, следует назвать *пожары*. Издавна жители деревень и маленьких городов, в которых все дома были выстроены из дерева, боялись разбушевавшейся огненной стихии. Не случайно с пожарами были связаны приметы, в том числе и календарно приуроченные: «...*В мае — 24-го, наверно, мая — был Макарий день. Вот по этому дню определяют. Вот. Если он красный, то будет пожар. Если он дождливый, то будут дожди. Если он, например, красный и дождливый, то лето будет такое и сякое. Хорошее.* — Ну, пожары — имеется в виду, что именно гореть будет? Или засушливое лето? — *Пожар. Гореть будет. Пожарное будет лето, жаркое. Будут пожары» [7 — 8: ЦРФ — 1034].*

Многие полагали, что для того, чтобы избежать огненной напасти, достаточно иметь дома специальный оберег. Таковым считалось освященное пасхальное яйцо: «<...>А до какого времени яйца лежали на божнице? — *Вот до какого положат, до такого и будут лежать. И год лежали.* — А при пожаре их не использовали? — *Вот, их оставляли, вроде, насчет пожара.* — Что с ними делать, если пожар? — *Не знаю, чего. Вроде, они загорали от пожара, как будто защищало» [59 — 3: ЦРФ — 1029].*

Огонь могла принести молния. Поэтому во время грозы принимались специальные меры по защите дома: «<...> *Она вот, когда гроза, молния, она и говорит: "Ничего, ничего не будет. Ничё не бойтесь". И она скажет чего-то, как-то вот это... Откуда она <знала>, когда должна плохая быть, когда нет? Град — вот берёт кочергу, из окошка выкидывает, чтоб град скорей про... не подействовал на чего-то. А чего? Я и не знаю.* — А от грозы? — *"Господи Иисусе" и "Илья Пророк" она чего <-то> говорила. Илья Пророк просила. Я вот и не знаю...» [122 — 8: ЦРФ — 1035].*

Если пожара все-таки не удалось избежать, приходилось совершать специальные магические действия, которые были направлены на ограничение / остановку пламени, на защиту от ветра. Эти обряды известны повсеместно. Как правило, они связаны с использованием христианской атрибутики (икон, освященной вербы, четверговой свечи, пасхального яйца)³. Поскольку пожар нередко воспринимался как Божья кара, предотвратить его можно было только с помощью Божьего вмешательства. Предметы, снятые с божницы, обеспечивали такое вмешательство, о чем свидетельствуют многочисленные рассказы очевидцев.

Локализовать пожар, не допустить, чтобы он распространился на соседние дома, помогало всё то же пасхальное яйцо, которое бросали в огонь: «*А вот эти яйца, пасхальные яйца вот, говорят, как пожар загорится, надо одно бросить в пламя, и огонь никуда больше не пойдет» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «А вот пасхальное яичко... не оставляли... на весь год? — У меня сейчас три даже. — Для чего оно может пригодиться? — Оно даже от*

³ *Агапкина Т.А.* Верба // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002. С. 69; *Белова О.В.* Икона // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 401; *Островский А.Б.* Прекращение пожара // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2002. С. 445—447.

пожара хорошо. У нас когда горел дом <...>. Вот хоть она и не больно близко была. А крыши-то соломенные. И у домов соломенные крыши. И <аккуратно> на деревню искры летели. Принесли насхальное яичко, бросили в пожарище — и всё столбом загорелось. — То есть в сторону не пошло? — В сторону не пошло» [66 — 8: ЦРФ — 1038].

Однако чаще для того, чтобы остановить пламя, обращались к помощи богородичных икон: «А в пожар с иконой не обходили дома? — Ну, было. — А какую икону? — Божью Матерь. — Любую Божью Матерь? — Да. Иной раз тушат, не поддается пожар, вот с иконой как-то обходили, обходили с молитвами» [59 — 3: ЦРФ — 1029]; «<...> Обходила с иконами. Всё время с иконами. С Божьей Матерью — всё этот дом-то, пожар-то весь обходила. <...>» [1 — 3: ЦРФ — 1027]. Большинство гороховчан, с которыми нам приходилось беседовать, указывали на то, что это должна быть икона Божьей Матери Неопалимая Купина: «От пожара как-нибудь оберегались?.. — Не знаю. Не оберегались. Ничем не оберегались. Нет, какой-то иконой! Иконой — как её? Неопалимая икона. Вот ходили с иконой. Если вот только, например, загорится дом, вот с иконой свой дом обходят, и на другие дома уже не перекидывается пламя. Икона Неопалимая. <...>» [7 — 8: ЦРФ — 1034].

Известно два композиционных типа этого иконописного образа. На первом, достаточно редком, Богоматерь с Младенцем Иисусом изображена над горящей купиной. Этот мотив восходит к ветхозаветному прообразу, указывавшему на Богородицу, которая «до рождества Дева, в рождестве Дева и по рождестве Дева»⁴. Неопалимая купина — терновый куст, который пророк Моисей видел горевшим в огне, но не сгоравшим⁵. Другое изображение Богородицы, также именуемое «Неопалимая Купина», получило более широкое распространение. На нем Божья Матерь с младенцем предстает в окружении восьмиконечной звезды, состоящей из двух четырехугольников — красного, символизирующего собою пламя, и зеленого, напоминающего о зеленом кусте. В углах звезды — человек, лев, телец и орел, а снаружи — Архангелы Михаил, Рафаил, Уриил, Селафиил, Варахиил и Гавриил. Иногда в руках Богородицы помещается лестница. Она напоминает о том, что именно Пречистая Дева возвела человечество от земли на небо⁶.

Символика иконы не всегда была известна простым прихожанам. Однако образ Богородицы Неопалимой Купины часто использовался в богослужебных песнопениях. Чудо, явленное Богом, — не сгоревший в огне куст — запомнилось. Вера в то, что чудо это может повториться, придала иконе особое значение как защитнице от пожара.

С Неопалимой Купиной обходили дом, заключая его в круг и создавая таким образом непреодолимую преграду для огня. В одних деревнях совершали обход загоревшегося дома, чтобы не допустить дальнейшее продвижение пожара: «Неопалимая Богородица, такая иконка есть... И с этой Неопалимой Богородицей вот кругом обойдёшь, и уже на другой дом не подойдёт» [8 — 4: ЦРФ — 1052]. В других обходили свой дом, чтобы уберечь его от летящих со стороны пожара искр: «...Какая-то есть Неопалимая, по моему, икона... Вот когда пожар, всё обходят кругом, чтоб дом твой не загорелся. Сосед-

⁴ Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. Т. 2. С. 564.

⁵ Исх. 3, 2 (Цит. по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1992).

⁶ Сказания о чудотворных иконах Богоматери и о Ея милостях роду человеческому. Коломна, 1993. Т. 2. С. 565.

ский горел — чтоб твой не загорелся. Вот наш дом горел. Я не знаю как. Вот этот дом чёрный был! <...> Наш дом сгорел» [27 — 8: ЦРФ — 1035].

Иногда обход-огораживание дома не был возможен. Тогда хозяйка с иконой вставала перед своим домом или ставила ее на подоконник: «А вот у нас тут был пожар, два дома сгорели года три тому назад. Вот они на том порядке были. И мне муж говорит: "Иди домой вытаскивай всё!". Куда тащить?! Жара была невозможная. А у нас уехали за машиной. А у нас икона материна "Неопалимая Божья Матерь". Я вот икону взяла, да и поставила в окошко. Володя: "Да ты что!". Ну, я открыла шифоньерку, покрывало на пол, на него поваляла всё, узелком, и думаю: "А куда я понесу?". Вот поставила икону. Представляет: огонь выше крыши был, невозможный такой, потом раз — переклады все рухнули, и крыша железная была, и накрыло весь дом. Только два дома сгорело, а больше ничего не сгорело» [79 — 3: ЦРФ — 1018].

Рассказов о том, как с помощью иконы удалось остановить огонь, существует немало. Чудесное спасение, которое происходит буквально на глазах, неизгладимо в памяти жителей деревни. Наиболее яркий момент — прекращение или отведение в сторону ветра с помощью иконы — становится своеобразной кульминацией таких воспоминаний о пожаре: «Потом у нас один еще эти... как их... шашлыки делал. Поставил и ушел. По траве-то пошло, пошло и пошло в лес. Если б лес загорелся, вся б деревня сгорела. А огонь идет в проулок. Корову надо выгонять. Я опять эту икону взяла — кого выгонять-то? Не то корову, не то козлят? Взяла икону и вышла. И, милая, — повернул ветер на речку. И гляжу: тухнет пожар и тухнет» [79 — 3: ЦРФ — 1018]; «Пожар можно остановить иконой. Есть такая икона. Яичком не останавливали, а вот иконой я помню, как щас. Раньше ведь дрались очень. И вот раздрались в нашей деревне, и <...> очень одного парня избил, чуть до полусмерти. А мы с бабушкой сторожили... она вот сторожила... всё ведь тогда свозили, всё зерно на ток, и его вот... машина такая была, снопы прямо туда совали, и это... А мы ребяташки... Так привод был, две лошади ходят вот так, ветошник крутится, и туда снопы. Как она называлась, машина-то эта? Да как уж это? Ты же... Молотилка, да. Ты сам же ходил за приводом-то! <...> И вот целый день походи с утра до вечера. Голова кружила-ась — не знаю как! И вот, значит это, мы с ней сидим на току, она говорит: "О-ой! Лидушка, гляди-ка, на Новой пожар". И как свечка. И загорелось. У нас стало тут видно только вот, а уйти нельзя. Знаете, как хлопья летели, прямо на ток ложились. Она все ветреницы сшибала эти вот как раз... И вот они сгорели. Всё. И... а мы жили на краю. Мне мама подбежала и сунула икону. Наша ли икона... Не шла, а то дом-то загорится, целая улица тогда сгорит. А мы с мамой на краю, я вам говорила, жили. И вот я стала с этой иконой... Вот век вот я Богу верую, забываюся, вот клянусь перед Богом... Вот стоит, и прямо ветер, вот прямо я — раз-раз-раз-раз, и пошел туда, прямо не в соседнюю деревню, а прямо вот туда на горбду. — Это не то, чтобы обходили с иконой? — Нет. Просто стоять. И она... ага... я вот... она мне дала в руки, я с ней стояла. И вот прямо туда унесло. Вот это я уж своими глазами. Очень хорошо помню, что это икона... вот пожарная какая-то. Есть специально от пожара икона <...>» [118 — 5,8: ЦРФ — 1041].

Однако далеко не все рассказчики верят в то, что пожар останавливается заступничеством Божьей Матери. Много в оценке происходящего зависит от их мировоззренческих установок: «<...> Вот пожар был. Пожар — вот у нас два дома сгорело. Так вот одна ходила с этой... с какой-то иконой вокруг, чтоб дальше <не было>. А это возле Ванчкиных Маруся была. Господи, я их и не знаю, как фамилия-то. Он в Москве живет самто. — То есть она с иконой их обходила? — Обходила с иконами. Всё время с иконами. С Божьей Матерью — всё этот дом-то, пожар-то весь обходила. "Ты куда? Куда лезешь?". А она: "Отстаньте, отстаньте". — И не перекинулся пожар? — Да, не перекинулся. Мо-

жет, он и перекинулся бы, конечно, сила воли ведь это всё, так нам думается. Ну, ведь три пожарных уж приехало. Вот и всё. И вся защита Божья» [1 — 3: ЦРФ — 1027];

«[Л.А.]: Это было перед Казанской, за день. Мы колорадских жуков собирали в огороде, а у нас сосед, он немного дурной, и он так матом ругался, Божью Матерь вспоминал, ой! У меня сердце разрывается: "Господи, Пресвятая Богородица, как ты терпишь это, — говорю, — сердце разрывается, так он ругает".

У нас дети тогда при себе были. Не уехали. Старшая тогда поступала как раз в музыкальное училище во владимирское. И вот мы вечерами долго сидели, чай пили и долго рассказывали про свою жизнь, как мы жили, чтобы их воспитать, сплотить и чтобы они любили нас и считали нас своими друзьями, сближение чтоб было. И каждый вечер так долго сидели. Сидели где-то до полдвенадцатого. В двенадцать легли.

Только-только заснули, как грохнул гром, весь дом затрясся у нас. И все проснулись разом. И света нет. Потом лежим: "Ой, гроза, — думаем, — чего делать!" И через некоторое время как бы плач слышим. Батюшка говорит: "Кто-то плачет". Я говорю: "Да не плачет, наверное". Спать не хочется, никому не хочется, лежим переговариваемся.

Он встал, батюшка, посмотрел в окно и говорит: "Не пугайтесь, — говорит, — пожар, и близко". Вот соседний дом горел. Соседний дом, белый дым идет. "Ну, — думаю, — белый дым". Выбежала на улицу, уже четыре пожарных машины приехали. "Четыре пожарных машины, — думаю, — белый дымок только из сеней идет, сейчас погасят". Да еще дождь, ливень. Я показала пожарным, где у них баллоновые газы, и свой баллон не так катаю, а — откуда силы взялись — перекидываю. Потом как стал разгораться пожар, очень сильно! Смотрим, мы уже стали петь со слезами все на коленях перед Неопалимой Купиной тропарь ее. А я говорю: "Господи, — говорю, — батюшка потом заработал дом, не давай сгореть". Стекла у нас горячими делались.... Потому что тогда в Дзержинске не было церкви, нигде не было церквей, очень много крестин было. У него, он приходил из церкви в портфеле две мокрых рубашки, на смену рубашки брал. И говорю: "Батюшка потом заработал этот дом, не дай сгореть".

Молились, молились, и он пошел, надел епитрахиль, вокруг дома три раза Неопалимой Купиной обошел. Это не старинная икона, обыкновенная, бумажная. Три раза обошел. Мы на Божью Матерь сильно надеялись: трое детей дома оставили, они заперлись внутри, ни один документ, ни одну бумагу не вынесли, ничего. Вытащили свою шлангу, и мы пошли тушить пожар к соседям, представляете. Вот тут у них сарай, покрытый гудроном. Я только думаю: "Если гудрон загорится, то нам несдобровать".

Я села туда верхом, на этот сарай, и поливаю. Себя поливаю и сарай поливаю. Сколько раз себя поливала, прям горячо-горячо, очень горячо. А пожарные, конечно, они тушили, эту шлангу в речку опустили, всё равно пять часов гасили, и не гасится никак. Потом, как уж погасили к утру (в час ночи это было, загорелось-то), один пожарник говорит: "Это не знаю, чего было: земля горела, вода горела". Но только уличком мне сказал: "Спасибо, Лидия Александровна, вы самоотверженная".

Но целую неделю очень сильно голова болела. <...> Но я подумала так, у нас вот стекла были горячие, дети рассказывают, краска полопалась, а Божья Матерь сохранила наш дом. А через два дома люди даже вещи выносили из дома.

[Г.Г.]: Ну, это не совсем простая икона. Когда мы венчались, нам ее архиерей подарил. В день венчания. Это наша семейная икона. А потом я ведь с этой иконочкой ходил, лазил по крышам, отнимал у этих, у пожарников, шланги, сам залезал. Я весь мокрый до нитки, она даже не портилась в кармане. Я ее в карман положил, так и работал, да и забыл про нее. И не испортилась, не расклеилась. И до сих пор она у нас. Но мы стараемся петь каждый вечер тропарь» [15,16 — 3: ЦРФ — 1016].

Место пожара даже по прошествии длительного времени оставалось отмеченным в сознании самих погорельцев и их соседей. Об этом свидетельствовали запреты строиться на пожарище. Считалось, что новый дом необходимо закладывать чуть отступя, чтобы он не повторил судьбы своего предшественника. Однако сегодня этот запрет соблюдают не все: *«Я слышала, так говорят, когда пожар будет, на этом месте, вроде, опасно ставить. Ну, ведь вот ставят. Всё равно ставят»* [7 — 8: ЦРФ — 1034].

* * *

Очевидно, что магические действия и запреты, связанные с прекращением пожара, зафиксированные в Гороховецком районе, лишены какой-либо специфики. Они вполне отражают ситуацию, которая сложилась с окказиональными обрядами, направленными на прекращение пожара, в центральных областях России. То же самое можно сказать и об обрядах, направленных на борьбу с вредителями и прекращение засухи. Описать в деталях последовательность действий, воспроизвести сопровождающие их слова молитв или заговоров, указать на пол и возраст участников обряда наши собеседники не смогли. Получить сведения о некогда совершавшихся обходах полей, как, впрочем, и обходах пожаров, сегодня можно только из меморатов. В них рассказчики воспроизводят собственные впечатления о событиях, свидетелями или участниками которых им довелось быть. И не случайно «пожарная тема» оказывается представленной наиболее ярко в местной фольклорной традиции.